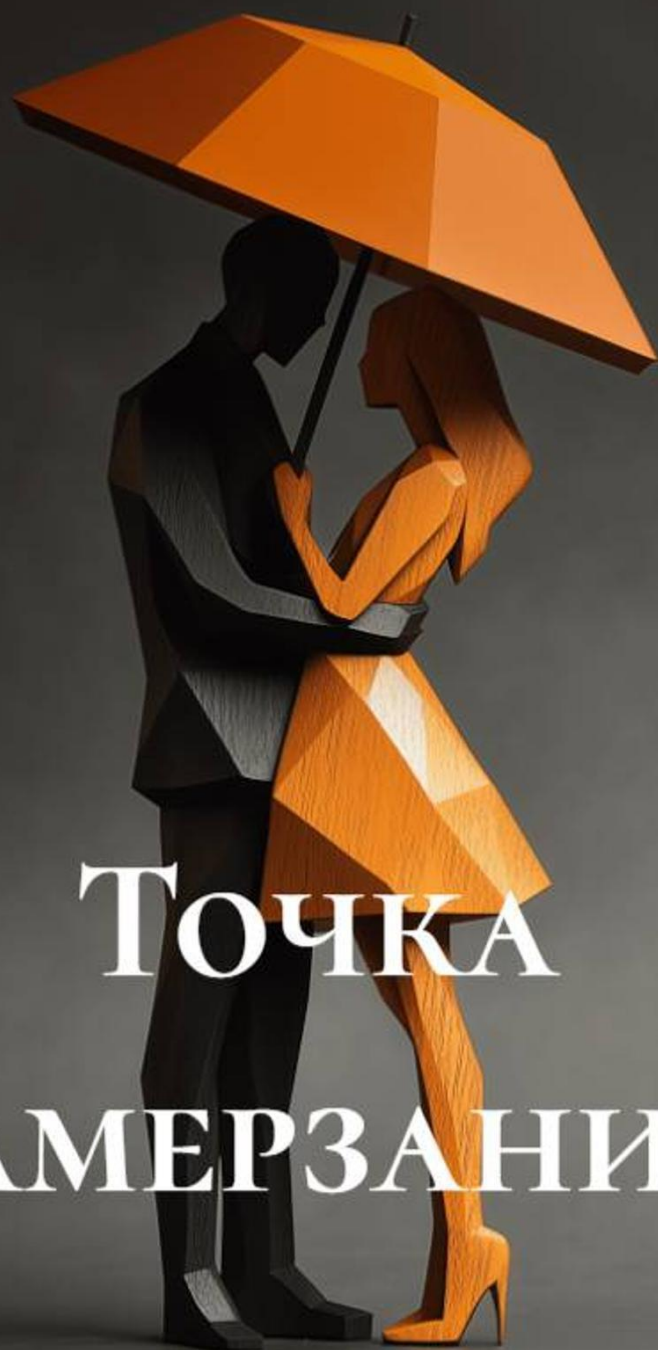

Максим Андрющенко

Точка ЗАМЕРЗАНИЯ

18+

Максим Андрющенко

Точка замерзания

«Автор»

2026

Андрющенко М. А.

Точка замерзания / М. А. Андрющенко — «Автор», 2026

«Семья — это проект, Мартин. А проект без KPI — хобби». Элин — двадцать пять лет, малый бизнес на грани краха, вера в «успешный успех» и привычка требовать от жизни максимум. Мартин — двадцать семь лет, служба в полиции, ночные смены и мечта о простом человеческом тепле, которого ему недодали в детстве. Они любят друг друга, но говорят на разных языках: она — на языке таблиц и карьерных траекторий, он — на языке невысказанной нежности. Россия, 2026 год. Курс рубля скачет, кредиты душат, а подружки, улыбаясь, советуют «поставить ультиматум». Когда общество твердит, что мужчина должен быть опорой, а женщина не должна прогибаться, двое пытаются построить дом — но вместо стен возводят барьеры из гордости, обид и неотправленных сообщений. Это роман о том, как любовь превращается в поле боя. О том, как тренды, зависть и собственное высокомерие разрушают то, что могло бы спасти. И о точке замерзания, после которой остаётся только тишина.

© Андрющенко М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6. Мартин. "Детство"	19
Глава 7. Элин. "Список"	21
Глава 8. Элин. "Вадим"	23
Глава 9. Мартин. "Свои"	25
Глава 10. Элин. "Мать"	27
Глава 11. Мартин. "Задержание"	29
Глава 12. Лера. "Чужая земля"	32
Глава 13. Элин. "Доллар на взлете"	34
Глава 14. Мартин. "Тишина"	37
Глава 15. Элин. "Кофе"	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Максим Андриющенко

Точка замерзания

Глава 1

Часть 1

Глава 1. Элин. «Прайс-лист»

Доллар пробил отметку, которую в моём бизнес-плане обводили красным трижды — чтобы уж точно заметить. Сто девять и шестьдесят. Я смотрела в экран ноутбука и чувствовала, как где-то под ложечкой сворачивается холодный узел.

Партия свитеров зависла где-то между Стамбулом и таможней. Поставщик прислал смайлик и три слова: «Пересчитываем. Ждите. Курс же». И я пересчитывала. Уже час, уже два, а наценка превращалась в тыкву ровно в тот момент, когда я пыталась сделать её хоть сколько-нибудь приличной. Аренда павильона, процент эквайрингу, налог, логистика — все эти слова были кирпичами, из которых я пыталась построить дом, а получался склеп.

Телефон пиликнул. Лера.

«Ну что, бизнесвумен, как там твой страж порядка? Опять на работе?»

Я хотела ответить честно: да, опять, и это бесит. Но вместо этого набрала нейтральное «да». Лера всегда умела задавать вопросы, которые царапали. Мы дружили с универа, но в последнее время её забота напоминала пинцет — она лезла в самые чувствительные места и зажимала.

«Ты слишком мягкая с ним, — вспомнила я её недавний вердикт. — Мужик должен чувствовать, что ты планка, а не перина. Особенно сейчас, когда всё летит в тартарары. Расслабится — сядет на шею».

Я отложила телефон и открыла заметки. Там у меня висел «Список целей на квартал». Я переименовала его в «Список целей НАШИХ на квартал» — это звучало душевнее, но по сути оставалось тем же: КРІ для двоих. Пункт первый: «Финансовая подушка (хотя бы 150 тысяч)». Пункт второй: «Мартину — рассмотреть варианты перехода в частную охрану или повышения до капитана». Пункт третий: «Элин — закрыть контракт с новым поставщиком и выйти в ноль». Дальше шли даты, дедлайны, ответственные.

Я писала этот список, потому что иначе было страшно. Мне двадцать пять, и я смотрела на мать, которая в мои годы уже стирала пелёнки и забыла слово «карьера». Она была хорошей женщиной — и осталась ни с чем, когда отец ушёл к той, что не стирала пелёнок, а ходила на шпильках и говорила слово «дивиденды». Я не собиралась повторять этот сценарий. Я собиралась быть партнёром, а не фоном. Женщиной с планом. Женщиной, которая держит вожжи.

В двери заскрежетал ключ. Второй час ночи. Я специально не ложилась: во-первых, свитера, во-вторых, я хотела, чтобы он увидел — я жду. Я не сплю, я не просто тёплый бок под одеялом, я здесь, со своими расчётами, и готова говорить о будущем.

Мартин вошёл, стягивая форменную куртку. От него пахло морозом, металлом и чем-то ещё — чем-то затхлым, как из чужих квартир, куда заходят по вызову. Под глазом набухла свежая царапина.

«— Ты опять в телефоне», — сказал он без упрёка. Просто констатировал.

— Я пытаюсь понять, не в минус ли я торгую, — ответила я, не отрываясь. — И кстати, я составила список наших целей на квартал. Ознакомься, пожалуйста.

Он замер на полпути к ванной. Рукава куртки висели, как пустые. Я видела, как напряглись его плечи — те самые, на которых он носил меня однажды через лужу, когда мы были

совсем другими, два года назад. Тогда не было списков. Тогда были поцелуи в ключицу и слово «справимся», которое он говорил мне в макушку.

Но сейчас — сейчас экономика, курс, аренда, и тренд «ты должна держать планку». Плюс Лера. Лера всегда говорит: «Если ты его не пинаешь, его пинает жизнь, и он благодарит её, а не тебя».

— Элин, можно список утром? — он провёл ладонью по лицу, задержался на царапине. — У меня смена была... Сам не знаю, как ноги принесли. Двоих за драку в разработку сдал, один висяк закрыли. Я даже не обедал.

— Утром у меня планёрка с потенциальным поставщиком, — отрезала я. — И доллар опять пробил потолок. Мы не можем позволить себе «давай утром». Ты же сам говорил, что хочешь семью. Семья — это проект, Мартин. А проект без финансового плана в такой стране — это банкротство.

Слово «банкротство» щёлкнуло в воздухе, как сломанный тумблер. Я сама не ожидала, что оно выскочит таким острым. Мартин посмотрел на меня — долго, молча. Не обиженно. Хуже. Устало, как смотрят на человека, с которым больше не спорят.

— Хорошо, — сказал он. — Оставь на столе.

И ушёл в душ.

Я осталась одна с ноутбуком и списком. Из ванной донеслась вода, но кроме неё — ничего. Раньше он там пел. Фальшивил ужасно, жутко, я кричала «прекрати», и он смеялся. Сейчас было тихо. Только шум воды, и под ним — что-то невысказанное. Что-то, что я сама загнала внутрь, потому что слова «я скучаю» казались мне слабостью, а «я боюсь без тебя» — предательством того образа сильной женщины, который я лепила из себя последние полгода.

Телефон снова мигнул. Лера.

«Ты ему уже показала список?»

Я набрала «да». Три точки в чате. Ответ: «Умница. Не давай слабину».

Я отложила телефон экраном вниз. За окном выла метель, и где-то в этой метели, в спальном районе спал город, у которого не было ко мне никакого снисхождения. Курс доллара, чужая зависть, холодная постель.

Я придвинула к себе список и дописала пятый пункт: «Элин — перестать бояться».

Не знаю пока, что это значило. Просто слова, которые я не смогла не дописать.

За окном начинался рассвет. Мартин так и не вышел из ванной.

Глава 2

Глава 2. Мартин. «Сырая земля»

Я не пел в душе, потому что не было сил даже тихо выругаться.

Вода хлестала по плечам, почти кипятком, но холод изнутри не уходил. Он поселился там, где-то в районе грудной клетки, когда я увидел её глаза поверх экрана ноутбука. Не глаза — два синеньких огонька, отражающих Excel-таблицу и слово «банкротство», которое она швырнула мне, как перчатку. Я стоял в душе и думал о том, что два года назад она встречала меня с порога, прыгала, как щенок, и кричала: «Ну рассказывай, что у тебя сегодня, рассказывай, я соскучилась». А теперь она встречает меня КРІ.

Я выключил воду и долго стоял, глядя на запотевшее зеркало. Там отражался мужик двадцати семи лет, с царапиной под глазом (алкаш в задержании дёрнулся неудачно), с синяком на рёбрах (лестничная клетка, хрущёвка, алкоголик с монтировкой) и с какой-то новой, незнакомой складкой у губ. Я провёл пальцем по этой складке. Она была жёсткая. Я ещё помнил, как выглядело моё лицо, когда я смеялся. Сейчас оно забывало это делать.

Вытерся. Элин уже спала — или делала вид, что спала. Свет ноутбука погас, и она лежала, свернувшись калачиком, спиной ко мне. Я лёг рядом, стараясь не разбудить. От её волос пахло чем-то дорогим — она покупала шампунь втридорога, потому что «имидж для бизнеса — это всё». Я лежал и смотрел в потолок, и слушал, как за окном воет подземка, и думал: «Что я делаю не так?».

Утром я уехал затемно. Она ещё спала.

Мой отдел сидел в старом здании на окраине — облупленный фасад, вечно текущая крыша и запах советской столовой, который въелся в стены ещё при Брежневe и не собирался уходить. На парковке стояли четыре «Лады» с ржавыми порогами, одна «Тойота» начальника и мой «Рено», который я чинил по выходным у друга в гараже, потому что сервис стоил как полкрыла.

В дежурке уже гудел телевизор. По «России-24» говорили про ключевую ставку — опять повышают, уже который раз за год. Дикторша с безупречной причёской рассказывала, что кредиты теперь «инструмент не для всех», и я машинально прикинул: ипотеку нам точно не дадут. Не в этой жизни.

— Сан Саныч, — кивнул я дежурному. Тот в ответ только рукой махнул: мол, проходи, там уже всё кипит.

В кабинете оперов сидели Костя и Макс. Костя пил растворимый кофе из кружки с надписью: «Лучшему папе» (подарок дочери, он ею гордился), Макс тупо пялился в сводку.

«— О, Мартин», — сказал Костя, не оборачиваясь. — У тебя синячище под глазом. Элин, поди, заругает?

— Уже, — буркнул я и сел за свой стол. — Не за это, правда. За другое.

Костя хмыкнул и углубился в бумаги. Он был старше меня на восемь лет, разведён, алименты, видел дочь по выходным. Когда-то он рассказывал мне, что жена ушла именно из-за работы: «Не выдержала, говорит, достало ждать тебя сутками и не знать, живой ты или нет». Я тогда думал: ну, у нас-то с Элин по-другому. У нас любовь.

Сейчас я уже не был так уверен.

— Слушай, — Макс оторвался от сводки, — тут всяк один из прошлого месяца всплыл. Квартирная кража у профессорши, помнишь? Так вот, участковый облаву в ломбарде делал по другому делу и нашёл брошку. Профессорша опознала.

— Отлично, — сказал я без энтузиазма. — Ещё один бумажный геморрой.

Макс пожал плечами. Он был молодой, двадцать три, только после учебки, ещё не выгорел. Смотрел на работу как на приключение, а не как на бесконечный конвейер из чужого горя.

Я ему даже завидовал немного. Помню себя таким же — когда только пришёл, когда думал, что могу что-то изменить. Сейчас, спустя пять лет, я понимал: изменить можно разве что количество отчётов, которые ты успеваешь сдать до конца месяца. Всё остальное — болото.

В обед Костя подсел ко мне. Мы жевали бутерброды, которые он взял из дома (колбаса, сыр — цены на них за полгода взлетели так, что я просто перестал их покупать), и молчали.

— Что у тебя с лицом? — спросил он наконец. — Я не про царапину. Я про то, что ты выглядишь, как побитый пёс.

— Элин сказала, что семья — это проект. А я, видимо, плохой исполнитель.

Костя присвистнул.

— Ну дела. А ты что?

— А что я? Я — ничего. Я ключи оставил и пошёл в душ.

— Слабый ответ, брат.

— Какой есть, — я откусил бутерброд. Хлеб был уже третий день как подсохший.

Костя пожевал, подумал.

— Слушай, может, она просто боится? Сейчас вообще все на нервах. Цены скачут, работы нет нормальной. Может, ей это всё в голову и ударило. Плюс подруги её... Как их там?

«— Лера и Кристина», — сказал я.

— Вот-вот. Я их видел однажды на корпоративе у тебя. Лера эта смотрит так, будто приценивается. Ты бы аккуратнее с ними.

Я кивнул. Про Леру и Кристину у меня была своя теория, которую я не озвучивал. Лера всегда улыбалась мне чуть дольше, чем нужно. Задерживала руку на плече. Смеялась над моими шутками, даже если они были плоскими. Я не дурак, я опер — я умею считывать людей. Лера хотела того, что было у Элин. И когда Элин начинала сомневаться во мне, Лера подливала масла в огонь с выражением искренней заботы на лице.

Но сказать об этом Элин я не мог. Потому что тогда она бы ответила: «Ты просто ненавидишь моих подруг» — и это стало бы ещё одним пунктом в её списке моих недостатков.

— Ладно, — Костя хлопнул меня по плечу. — Заканчивай с этим. Порадуйся лучше: не спалили кофе на протоколы. Уже день удался.

Я попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривая.

В шесть вечера пришла ориентировка: разыскивается подозреваемый в серии краж. Я распечатал фото, приколот к доске. В этом кабинете стены были увешаны лицами — фото-роботы, ориентировки, старые сводки. Лица смотрели на меня мёртвыми глазами, и иногда я думал: а какое лицо сейчас у меня? Живое ли оно? Или я тоже стал очередной бумажкой в чьей-то картотеке?

Телефон пиликнул. Я вздрогнул.

«Вечером нужно обсудить твою карьерную траекторию. Я накидала варианты. Элин».

Я смотрел на сообщение и чувствовал, как внутри что-то медленно опускается. Не злость. Не обида. Пустота.

«Карьерная траектория». Она говорила обо мне, как говорят о сотруднике на испытательном сроке. Как о функции, которая должна показывать результат. Как о чём угодно, кроме как о мужчине, который хочет услышать «я тебя люблю» просто так. Просто за то, что я есть.

Я убрал телефон в карман и стал собираться. Костя поднял голову:

— Ты куда? Ещё семи нет.

— Поеду по адресу, — соврал я. — Прогуляюсь.

На самом деле я просто сел в машину и поехал кругами по району. Мимо панелек, мимо ларьков, мимо остановок с уставшими людьми. Март в этом году был лютый — зима не уходила, как будто сама боялась, что следом не весна придёт, а что похуже. За окнами машины проносились серые дома, и в каждом из них, думал я, живут такие же, как я — мужики, которые пытаются быть опорой, но оказываются просто столбом, на который вешают списки.

Я припарковался у своего подъезда, но не вышел. Сидел, смотрел на лобовое стекло и думал.

В кармане снова пиликнуло. На этот раз не Элин. Лера.

«Привет. Как ты? Элин говорит, ты много работаешь. Береги себя. Если что, я всегда на связи. ##»

Я смотрел на этот смайлик и думал о том, что у змей тоже есть улыбка — просто никто не называет её улыбкой.

Я удалил сообщение и вышел из машины. Под ногами хрустел грязный снег. До двери было двадцать шагов. Двадцать шагов до человека, который называл меня проектом.

И ради которого я всё равно шёл домой. Потому что любил.

Потому что когда-то она встречала меня с порога и не требовала ничего.

Я вошёл в подъезд. Лифт не работал — сломался ещё до Нового года, и управляющая компания, как обычно, кормила обещаниями. Я поднимался пешком на пятый этаж и на каждом пролёте думал: что скажу ей вечером? Скажу ли вообще хоть что-то? Или опять уйду в душ, чтобы не слышать слово «траектория», от которого у меня сводит зубы?

Дверь открылась. Элин стояла на пороге с телефоном в одной руке и распечатанной таблицей в другой.

— Привет, — сказала она. — У меня готовы три сценария. Давай обсудим.

За её спиной на столе лежал список целей на квартал. Пункт первый: «Финансовая подушка». Пункт пятый: «Элин — перестать бояться».

Я не знал, что это значит. Я знал только, что за окном опять начинается метель, а где-то в этом городе есть люди, которые убивают, грабят и предают. И я ловлю их каждый день. Но поймать сердце женщины, которая спит со мной в одной постели, я, кажется, разучился.

«— Давай обсудим», — сказал я тихо и вошёл. — Только сначала налей чаю. Холодно.

Она замерла на секунду, будто что-то вспомнила. Потом кивнула и пошла к плите.

И в эту секунду, пока она стояла ко мне спиной, я закрыл глаза и представил, как она говорит: «Я с тобой, что бы ни случилось». Просто слова. Просто тепло.

Но когда она повернулась, в руках у неё был не чайник, а очередная таблица. И я снова открыл глаза.

Чай был невкусный.

Мы сидели молча, и между нами лежал список целей. Пятым пунктом — «перестать бояться». Я смотрел на это и не понимал: боится ли она меня? Или себя?

Или того, что однажды я не выдержу и просто перестану открывать эту дверь.

За окном выл ветер. Россия, 2026-й. Мы были живы, но что-то внутри нас умирало. И я не знал, как это остановить.

Глава 3

Глава 3. Элин. «Поставщик»

Утро встретило меня тишиной и холодным чайником.

Мартин ушёл затемно. Я слышала сквозь сон, как хлопнула входная дверь — осторожно, почти виновато, будто он боялся меня разбудить. Или будто ему самому было стыдно за вчерашний вечер. За таблицу, которую я положила перед ним. За слово «траектория», которое он проглотил молча, как горькую пилюлю.

Я лежала под одеялом и смотрела в потолок. Там проходила трещина, тонкая, как волос, — с прошлой зимы, когда коммунальщики залили соседей сверху и все разбирательства упёрлись в стену безразличия. Тогда Мартин ходил ругаться, писал заявления, даже грозил прокуратурой. А потом плюнул и сказал: «В этой стране проще самому замазать, чем добиться правды». Он тогда сам купил шпаклёвку и заделал дыру, но трещина осталась. Как напоминание.

Я встала и пошла на кухню. На столе всё ещё лежал список целей на квартал. Пункт пятый: «Элин — перестать бояться». Я смотрела на эту строчку и не узнавала собственного почерка — будто кто-то другой дописал её среди ночи, пока я спала.

Телефон мигнул. Лера.

«Ну что, как прошёл разговор? Ты ему показала варианты?»

Я набрала: «Показала. Он попросил чаю». Отправила прежде, чем подумала, как это выглядит со стороны.

Ответ пришёл мгновенно: «ЧАЮ??? Ты ему про карьеру, а он про чай? Ну здрасьте. Элин, ты же видишь, он саботирует. Мягко, пассивно, но саботирует. Ты ему про будущее — он в душ. Ты ему про ответственность — он про чай. Это классика. Не ведись».

Я читала и чувствовала, как внутри закипает раздражение. На неё? На Мартина? На себя? Я не могла разделить. Лера всегда говорила складно — она умела упаковывать яд в шоколадную обёртку здравого смысла. И я, как дура, каждый раз разворачивала.

Ладно. Потом. Сейчас у меня была планёрка с поставщиком. Тем самым, который должен был заменить старого и которого Лера нашла через своих знакомых — того самого человека с сетью магазинов, про которого она упоминала тогда. Я долго сомневалась, но выхода не было: старый канал рухнул из-за санкций, а товар нужен был позарез.

Я оделась тщательно — белая блузка, пиджак, который стоил мне половину прошлой прибыли. Имидж — это всё. Особенно когда ты женщина в бизнесе, где тебя никто не ждал. Я знала: первое, что они видят — не твой прайс-лист, а твои туфли. Поэтому туфли должны говорить: «Я знаю, что делаю».

Кафе выбрали нейтральное — в центре, но не пафосное. Я приехала на пятнадцать минут раньше, заказала американо и попыталась унять дрожь в коленках.

Поставщик опоздал на пять минут. Мужчина лет тридцати пяти, ухоженный, в костюме, но с какой-то неуловимой неряшливостью в деталях: галстук чуть сбит набок, манжета помята. Он представился Вадимом. Мы обменялись визитками, и я сразу перешла к делу. Кашемировые свитера, турецкое производство, партия триста единиц. Предоплата пятьдесят процентов, логистика через третьи страны, сроки — полтора месяца. Цена, которую он назвал, была чуть выше той, на которую я рассчитывала, но терпимо.

— Курс, — сказал он, разводя руками. — Сами понимаете. Рубль скачет, как пьяный заяц. Все хотят в долларе. Но вам, как для Лериной подруги, я сделаю скидку пять процентов. Из уважения.

И улыбнулся. И в этой улыбке мне почудилось что-то такое, отчего захотелось одёрнуть пиджак. Но я сказала: «Спасибо, ценю». Потому что бизнес. Потому что пять процентов — это пять процентов.

Мы обсуждали детали, но чем дольше он говорил, тем больше я чувствовала себя не партнёром, а девочкой, которой делают одолжение. Он вставлял в деловые фразы что-то личное: «Вы красивая, вам должно везти», «Лера много о вас рассказывала, я уже чувствую себя почти другом семьи», «А ваш молодой человек не ревнует, что вы так много работаете?». Последнее — с усмешкой, от которой у меня скрутило под ложечкой.

«— Это не имеет отношения к нашим договорённостям», — сказала я, стараясь держать лицо.

— Конечно, — он поднял руки в шутовском жесте капитуляции. — Просто человеческое любопытство. У женщин в бизнесе всё иначе. Сложнее. Особенно в наше время.

Я улыбнулась так, будто у меня свело челюсть. Мы подписали предварительное соглашение, но вера в это партнёрство уже дала трещину. Что-то в нём было скользкое. Что-то, чему я не знала названия.

Я вышла из кафе и вдохнула морозный воздух. Март, а всё ещё минус десять. Весна задерживалась, как зарплата бюджетникам.

В такси я открыла соцсети. И лучше бы я этого не делала.

Лента пестрела чужими успехами. Девочка, с которой мы вместе начинали курсы по маркетингу, выложила сториз из своего шоурума — новый интерьер, довольные клиентки, шампанское. Другая — из Дубая, на фоне небоскрёбов, с подписью «Бизнес там, где нет границ». Третья анонсировала «марафон женской силы», который обещал научить «привлекать мужчину, который решит все твои проблемы».

Я смотрела и чувствовала, как тревога внутри меня растёт, как опара. Они все успешны. Они все знают, что делать. А я сижу в такси с предварительным соглашением, которое мне выдали со скидкой и сальной улыбочкой, и в моей квартире лежит список целей, а в моей постели спит мужчина, который на слово «карьерная траектория» просит чаю.

Я не заметила, как набрала Леру.

— Алло?

«— Я встретила с твоим Вадимом», — сказала я. — Он странный.

— Почему странный? — Лерин голос был участливым, но где-то на дне его булькал смешок. — Нормальный мужик. Связи, деньги, всё при нём. Что не так?

— Он говорил со мной как... Не знаю. Как будто я не бизнес-партнёр, а приложение к своей внешности.

— Ой, Элин, не начинай. Ты слишком остро реагируешь. Тебе скидку дал? Дал. Контракт подписали? Подписали. А что он там улыбается — так это хорошо, значит, ты ему нравишься. Глядишь, и условия будут мягче. Ты женщина, используй это.

— Я не хочу «использовать это». Я хочу, чтобы меня воспринимали серьёзно.

— А ты и так серьёзная. Но можно быть серьёзной и обаятельной одновременно. Это не слабость. Это стратегия.

Я замолчала. За окном проплывали серые дома, облезлые вывески, очередь в «Пятёрочку». У входа стояла женщина с коляской и смотрела в телефон. Я вдруг представила свою мать. Вот так же — коляска, очереди, вечная экономия на себе. И в конце — ничего. Ничего, кроме фразы «я положила жизнь на семью», которую она никогда не говорит вслух, но которую я читаю в её глазах каждый раз, когда она смотрит на мои туфли.

— Ладно, — сказала я. — Поживём — увидим.

Лера повесила трубку. Я осталась одна с тишиной в динамике и с мучительным чувством, что я делаю что-то неправильно. Но что именно — я ещё не понимала.

Вечером Мартин вернулся раньше обычного. Я сидела на кухне и пересчитывала бюджет на следующий месяц. Аренда павильона... Налог... Долг за прошлую партию... Суммы не сходились. Я смотрела в калькулятор и видела дыру, которую нельзя было залатать одной экономией.

Он вошёл, сел, напротив. Усталый. Опять с новым синяком на руке. Я хотела спросить: «Что случилось?». Но изо рта вылетело другое:

— Как твоя зарплата? Были новости?

Он помедлил.

— Задерживают. Обещают в следующем месяце. Но ты знаешь, как это бывает.

Я знала. Именно поэтому меня накрыло. Волна страха, которая копилась весь день, провала плотину.

— Мартин, ну сколько можно? — я захлопнула ноутбук. — Ты работаешь сутками, рискуешь жизнью, а в итоге мы сидим на латании дыр. Ты говорил о семье? Так вот семья — это не только «я тебя люблю». Это деньги. Это уверенность в завтрашнем дне. Это когда ты не просыпаешься каждое утро с мыслью, что всё рухнет к чёртовой матери, потому что курс скакнул, поставщик — мутный тип, а зарплата твоего мужчины не покрывает даже аренду!

Он молчал. Долго. Потом тихо сказал:

— Я спас сегодня подростка. Его избили и бросили в сугроб. Я держал его голову, пока ехала скорая, и думал: только бы выжил. А потом пришёл домой, и ты спрашиваешь меня про деньги.

Я замолчала.

Внутри что-то сжалось, но я не дала этому «чему-то» выйти наружу. Потому что выйдет — и придётся признать, что я была неправа. А признать это сейчас означало рухнуть самой. И поэтому я сделала то, что делала всегда, когда мне было страшно, — пошла в атаку.

— Ты всё переводишь в драму, Мартин. Я не про подростка. Я про нашу жизнь. И про то, что ты не хочешь ничего менять.

Он поднялся. Спокойно, как будто внутри у него что-то выключилось.

«— Я меняю», — сказал он. — Я каждый день меняю чью-то жизнь к лучшему. Просто ты этого не замечаешь, потому что это не конвертируется в твой прайс-лист.

И вышел из кухни.

Я осталась одна. Калькулятор всё ещё светился. Там, в цифрах, всё было плохо.

Позже, ночью, я вышла в гостиную. Он спал на диване, отвернувшись к стене. Плед сполз на пол. Я смотрела на его плечи, на его руку с синяком, на его спутанные волосы — и чувствовала только одно: он сдался. Не в жизни — в отношениях. В нас. Он больше не спорит. Он просто уходит спать на диван.

И почему-то вместо жалости это вызвало во мне холодную, колючую мысль: «Он сдался без боя. А я не могу себе этого позволить».

Я подняла плед с пола, но не укрыла его. Просто положила рядом.

И ушла в спальню. Одна.

За окном опять гудела подземка. Где-то далеко, в торговом центре на другом конце города, мой будущий павильон ждал товара, который, может быть, никогда не придёт. А где-то ещё дальше — Лера смотрела мои сториз и улыбалась своему отражению в экране.

Я этого ещё не знала.

Я знала только, что пункт пятый — «перестать бояться» — не работает. Я боюсь до дрожи. Боюсь провала, боюсь нищеты, боюсь стать своей матерью, боюсь потерять Мартина и ещё больше боюсь признать, что я, кажется, сама выталкиваю его за дверь.

Но признать это — значило бы переписать весь список целей.

А у меня на это не было времени. Да и смелости, наверное, тоже.

Глава 4

Глава 4. Мартин. «Ночная смена»

Ночь в этом районе пахла мусорными баками и дешёвым синтетическим табаком. Я стоял, прислонившись плечом к облупленной стене хрущёвки, и ждал, пока Костя договорится с участковым. В кармане лежала пачка сигарет, которую я купил час назад в ларьке у автовокзала. Я не курил уже три года — бросил, потому что Элин сказала, что ей противно целовать пепельницу. Но сегодня купил. Просто чтобы держать в руках что-то, что можно сжечь.

— Ну что, орёл, — Костя вынырнул из подъезда, растирая замёрзшие руки. — Адрес точный. Третий этаж, квартира справа. Соседи говорят, музыка орёт третий час, а из-под двери запах — хоть топор вешай.

Я кивнул и отлепился от стены. Ночные вызовы — это всегда русская рулетка. Никогда не знаешь, кто откроет дверь: пьяный, обкуренный, вооружённый или просто смертельно уставший человек, которому уже всё равно. В нашем районе, где промзона перемежалась с жилыми кварталами, люди ломались и сгорали заживо, и мы приезжали тушить то, что уже сгорело.

Подъезд встретил нас запахом мочи и сырой штукатурки. Лампочка на втором этаже не горела — выкрутили, как обычно. Я включил фонарик, луч выхватил граффити на стене: оскаленная пасть и матерное слово. Костя шагал впереди, привычно перепрыгивая через ступеньки, которые проваливались вниз. Я смотрел на его спину и думал: сколько ещё таких подъездов? Сколько ещё мы сможем в них заходить, прежде чем один из нас не выйдет обратно?

На третьем этаже музыка действительно долбила так, что дрожали стены. Я узнал трек — популярный шансон, который в девяностые считали блатным, а теперь крутили в маршрутках. Костя нажал на звонок — тот не работал. Тогда он просто забарабанил кулаком в дверь. Музыка стихла не сразу — кто-то выключил колонку, и наступила тишина, от которой звенело в ушах.

— Открывай, полиция! — гаркнул Костя.

За дверью послышалась возня, потом женский голос — заплаканный, тонкий: «Кто?». Костя повторил. Щёлкнул замок. Дверь приоткрылась на цепочке. В щели показалось белое лицо с размазанной тушью — женщина лет тридцати, измученная, с синяком на скуле. Она смотрела на нас и не верила, что мы настоящие.

— Помогите, — прошептала она. — Он там... Он опять...

Дальше мы уже не ждали. Костя сбил цепочку одним движением плеча. Я вошёл следом, и в нос ударил запах — сладковатый, химический, от которого сразу начало мутить. На полу в комнате лежал мужчина в одних спортивных штанах. Он был в сознании, но плохом — зрачки закатаны под веки, тело дрожит мелкой дрожью, изо рта пена. Рядом валялся предмет похожий на пустой белый пакетик.

— Скорую, — бросил я Косте. — И участкового, пусть поднимается.

Я присел на корточки рядом с мужчиной. Проверил пульс — слабый, но был. Открыл ему дыхательные пути, перевернул на бок. Стандартный протокол, отработанный до автоматизма. Делай что можешь, пока едет скорая. Если успеешь — спасёшь. Если нет — напишешь отчёт.

Женщина стояла в дверях и тряслась.

«— Он опять купил», — говорила она бесцветным голосом, как заевшая пластинка. — Я думала, он бросил. У нас дочь маленькая. Он говорил, что бросил. А сегодня пришёл и опять. Я сказала, уходи. А он ударил. И включил музыку, чтобы я не кричала...

Я слушал её и чувствовал, как внутри что-то сжимается. Не злость. Не жалость. Скорее, привычная горечь. Я видел это сотни раз. Муж, который обещал бросить, и не бросил. Жена, которая верила, и ошиблась. Ребёнок, который родился в доме, где музыка орёт для того, чтобы никто не услышал, как плачет мать. Я хотел бы сказать этой женщине что-то важное, но не

знал, что. Все слова казались бессмысленными. И вместо слов я просто сказал: «Скорая будет через десять минут. У вас есть у кого побыть до утра?». Она кивнула — мама, соседка, кто-то.

Костя вернулся, и мы дождались врачей. Алкоголик задышал ровнее, его погрузили на носилки. Женщина уехала с ними. Квартира опустела, только на полу остался пустой белый пакетик и валялся детский рисунок — домик, солнышко и три палки-человечка. Мама, папа, дочка.

Мы вышли на улицу. Ночь стала ещё холоднее. Я достал из кармана пачку, повертел в пальцах и закурил первую за три года сигарету. Вкус был отвратительный, горький, и я сразу понял, что зря. Но не потушил.

— Что, сорвался? — спросил Костя.

— Ага, — сказал я и выпустил дым. — Три года держался.

— Из-за Элин?

— Из-за неё. Она сказала, что ей противно.

— А сейчас что, перестало?

Я не ответил. Я стоял и думал о том, что у Элин другой порог отвращения. Ей противен запах сигарет, но не противно говорить мне слово «КРП», когда я только что держал чью-то голову, чтобы не захлебнулся пеной. Ей противно целовать пепельницу, но не противно смотреть сквозь меня на свою таблицу. Когда-то я бросил курить, потому что хотел быть для неё хорошим. Хорошим парнем. Хорошим мужчиной. Хорошим проектом. Но «хороший» в её понимании — это бесконечная гонка за повышением, в которой я задохнулся раньше, чем добежал до финиша.

— Кость, — сказал я, глядя в темноту. — Вот ты был женат. Ты, когда понял, что всё кончено?

— Когда перестали разговаривать.

— Ну вы же общались.

— Нет. Мы обсуждали. График, покупки, ребёнка, долги. Всё это — обсуждение. А разговор — это когда ты говоришь, что тебе страшно, а она обнимает тебя и говорит: «Я с тобой». Вот этого не стало. И тогда я понял: всё.

Я затаился и выбросил сигарету в сугроб.

«— У нас то же самое», — сказал я тихо.

— Знаю, — Костя положил руку мне на плечо. — Я это понял ещё месяц назад, когда ты впервые попросился в ночную смену, хотя тебе не доплачивают за ночные. Ты просто не хотел идти домой.

Я не нашёлся, что ответить. Потому что это было правдой. Ночная смена, сверхурочные, вызовы — всё что угодно, лишь бы не возвращаться в квартиру, где меня ждёт не женщина, а прайс-лист.

До конца смены оставалось три часа. Мы сели в машину и поехали в отдел. По дороге молчали. За окнами проплывали пустые улицы, редкие фонари, запертые ларьки, баннер с рекламой кредита под «всего тридцать процентов годовых». Я думал о том, что где-то в этом городе спит Элин, и рядом с ней на тумбочке лежит список целей, в котором пятым пунктом написано «перестать бояться». Я не знал, чего она боится. И кажется, не знала она сама.

В отделе я сел за отчёты. Дописал про задержание, про алкогольиков, про скорую. Пальцы стучали по клавиатуре, а в голове крутилась мысль: «Я больше не могу просить любви как милостыни». Я сформулировал эту мысль впервые — чётко, ясно, без эмоций. Как протокол. И от этого стало страшно.

Костя ушёл в дежурку греться. Макс, которому передавали утреннюю смену, ещё не приехал. Я остался один в кабинете, окружённый лицами с фотороботов на стенах. И вдруг поймал себя на том, что смотрю на одно из них — мужчина, лет сорок, серийные кражи — и думаю:

«А он, интересно, знает, что его ищут? Или ему всё равно?». А потом подумал: «Меня тоже ищут. И я тоже не знаю, найдут ли».

Телефон пиликнул. Я вздрогнул. На экране — Лера.

«Мартин, привет. Я тут думала о нашем разговоре. Может, встретимся как-нибудь? Без Элин. Просто поговорим. Мне кажется, тебе нужно выговориться. Ты же видишь, как она с тобой. Ты достоин большего».

Я смотрел на это сообщение и думал: вот он, момент истины. Лера не просто завидует. Она охотится. Она методично, как паук, плетёт паутину, и я в этой паутине — либо добыча, либо трофей.

Я набрал ответ. Не стёр, не проигнорировал. Набрал:

«Лера, я всё знаю. Если ты ещё раз напишешь мне или посоветуешь Элин что-то про наши отношения, я расскажу ей всё. Всё, что ты делаешь. Ты не желаешь ей добра. Ты хочешь разрушить то, что у нас осталось. Не лезь». Отправил. И сразу почувствовал, как внутри что-то ослабло — тугая пружина, которая была закручена до предела и наконец отпустила.

Лера не ответила. Только спустя минуту ушла в оффлайн.

Я откинулся на спинку стула, закрыл глаза и увидел лицо Элин — не то, которое смотрит в таблицу, а то, которое смотрело на меня два года назад и говорило: «Ты мой». Где это лицо теперь? Я не знал. Но впервые за долгое время я знал что-то другое: я ещё жив. Я ещё могу чувствовать. И, может быть, именно это — единственное, что у меня осталось.

Рассвет наступил серый и вязкий. Я вышел из отдела, сел в машину и поехал домой по пустым улицам. В салоне пахло холодом и перегаром с прошлых задержаний. Я открыл окно, чтобы проветрить, но холодный ветер не приносил облегчения. Он просто был. Как всё в этой стране. Как всё в этих отношениях.

Я думал: а что я скажу Элин, когда вернусь? Скажу ли вообще? Или опять уйду в душ, чтобы не слышать слово «траектория»? Или, может быть, сегодня я впервые за долгое время скажу правду: «Я не твой проект. Я человек. И я устал».

Я ещё не знал.

Дверь открылась. Элин спала. На столе лежал список целей, и пятый пункт — «перестать бояться» — был подчёркнут дважды.

Я лёг рядом, не раздеваясь, и устался в потолок. Потолок молчал. Как и я.

Глава 5

Глава 5. Элин. «Подруги»

Кафе называлось «Мокко» — Лера выбрала его, потому что там были низкие калорийные десерты и правильное освещение, при котором любое лицо выглядело отдохнувшим. Я пришла чуть раньше, заказала капучино на миндальном молоке (Лера говорила, обычное молоко — это целлюлит и зашлакованность) и села у окна, глядя, как за стеклом бредут прохожие, втянув головы в плечи от ветра.

Кристина пришла первой. Она всегда приходила первой, потому что боялась опоздать и упустить что-то важное. Кристина была из тех подруг, которые никогда не спорят, всегда кивают и говорят «ты права» тому, кто говорит громче. Она работала менеджером в салоне красоты и обладала удивительной способностью растворяться в чужом мнении, как сахар в чае. Я иногда думала: есть ли у неё вообще своя жизнь? Или она живёт нашими — моими и Лериными — драмами, как сериалом?

«— Ты уставшая», — сказала Кристина вместо приветствия. — Опять не спала?

— Работала, — ответила я. — Курс скакнул, поставщик новый, всё горит.

— Понимаю, — она покачала головой и заказала латте. — У нас в салоне тоже цены подняли на всё. Клиенты злые, мастера злые, я злая. А тут ещё ты со своим бизнесом. Как Мартин?

Я пожала плечами. Кристина всегда спрашивала про Мартина так, будто он был моим чемоданом без ручки: и нести тяжело, и бросить жалко. Я не могла понять, искренне ли это, или ей просто нужна тема для разговора.

— Нормально. Работает. Вчера в ночную вышел.

— В ночную? — она округлила глаза. — А ты одна? Не страшно?

— Я привыкла.

Это была неправда. Я не привыкла. Я просто не хотела признавать, что мне страшно спать одной в пустой квартире, где каждый скрип половицы кажется шагом. Но признать это — значило показать слабость. А слабость, особенно перед подругами, — это та роскошь, которую я себе не позволяла.

Хлопнула входная дверь, и вошла Лера. Она всегда входила так, будто это был её личный выход на сцену: плечи расправлены, улыбка отрететирована, взгляд сканирует помещение. За ней тянулся шлейф дорогих духов и какой-то особенной, почти осязаемой энергии. Лера была из тех женщин, которые умеют заполнить собой любое пространство, и ты невольно либо подчиняешься, либо отступаешь в тень.

— Девчонки, — она опустилась на стул, не глядя бросила сумочку на соседнее кресло и подозвала официанта. — Чёрный американо, без сахара, без молока. И стакан воды.

— Ты худеешь? — спросила Кристина.

— Я всегда худею, — Лера улыбнулась. — Просто сегодня особенно. Так, что у нас? Элин, как свитера?

Я пересказала встречу с Вадимом. Пока говорила, Лера слушала с тем особым выражением лица, которое появлялось у неё, когда она уже знала ответ, но давала тебе высказаться, чтобы потом эффектно подвести черту.

— Ну и отлично, — резюмировала она, когда я закончила. — Я же говорила, Вадим — человек дела. Скидка, контракт, всё чётко. Что тебя смутило-то?

Я замялась.

— Он... странный. Слишком липкий. Говорил про мою внешность, про то, что Лера ему много обо мне рассказывала.

— Ой, да ладно тебе! — Лера отмахнулась. — Ты красивая женщина, почему бы ему не заметить? Мужчины так устроены. Им нужно пофлиртовать, почувствовать себя значимыми, покрутить ручку настройки. А ты что, хотела, чтобы он смотрел в бумажки и бубнил условия? Нет, дорогая, бизнес — это всегда ещё и химия. Используй это. Ты женщина, а не робот.

— Я хочу, чтобы ко мне относились серьёзно, — повторила я свою мантру.

— А разве к тебе не отнеслись серьёзно? Скидку дали? Контракт подписали? Серьёзно — это результат. А как ты к нему пришла — через строгий костюм или через улыбку, — это детали. Не усложняй.

Кристина закивала, как болванчик. Я промолчала. Лера всегда умела перевернуть разговор так, что мои сомнения начинали выглядеть глупостью. И всё-таки что-то внутри меня сопротивлялось. Что-то, чему я не знала названия.

— Ладно, — Лера отпила кофе. — Оставим бизнес. Рассказывай про Мартина. Ты ему показала траекторию? Я вздохнула. Рассказала про список, про его просьбу о чае, про ночную смену, про то, что он всё чаще спит на диване.

Лера слушала внимательно, и по мере моего рассказа её лицо становилось всё более сосредоточенным. Как у врача, который ставит диагноз.

— Так, — сказала она, когда я закончила. — Можно я буду честной?

— Давай, — сказала я, хотя внутри уже сжалась.

— Ты его теряешь. Он саботирует. Мягко, пассивно, но саботирует. Ты ему про будущее — он в душ. Ты ему про ответственность — он на диван. Ты ему про деньги — он про какого-то подростка в сугробе. Это классика, Элин. Это называется «уход от конфликта». Он не хочет решать проблемы, он хочет, чтобы ты отстала. И знаешь, почему?

— Почему?

— Потому что ему и так удобно. У него есть работа, которая ему нравится — он там герой, ловит плохих парней. У него есть ты — красивая, молодая, с бизнесом. Ты не просишь подарков, не пилишь за цветы. Ты просишь только одного — чтобы он рос. А он не хочет. Ему удобно быть на своём уровне. И он хочет, чтобы ты приняла это.

Я молчала. Слова Леры ложились ровно, точно, как кирпичики в стену. И стена эта росла между мной и Мартином с каждой секундой.

«— Но я его люблю», — сказала я тихо.

— Любишь, — Лера кивнула. — И он тебя любит. Но любовь — это не только бабочки в животе. Это ещё и ответственность. Ты готова тащить его всю жизнь? А если дети? А если бизнес прогорит? Ты будешь пахать одна, пока он будет спасать подростков и получать зарплату раз в три месяца?

Кристина вдруг подала голос:

— Может, ему нужно просто отдохнуть? Он же в полиции, там выгорание...

Лера перебила её одним взглядом.

— Кристин, не начинай. У всех выгорание. Я тоже устаю. Но я не иду спать на диван, когда надо решать вопросы. Это вопрос характера. Либо ты мужик и держишь удар, либо ты тряпка, которую тащат. Элин, ты умная девочка. Ты сама всё понимаешь.

Я понимала. И от этого было только хуже.

— И что мне делать? — спросила я, уже зная ответ.

— Ультиматум, — Лера произнесла это слово как приговор. — Чёткий, спокойный, без эмоций. Либо он начинает шевелиться — переходит в частную охрану, повышается, ищет подработку, — либо вы расстанётесь. Ты даёшь ему месяц. Месяц — достаточный срок, чтобы понять, кто перед тобой. Мужчина или персонаж.

— Месяц, — повторила я.

— Месяц, — подтвердила Лера. — И в конце месяца ты смотришь на результат. Есть сдвиг — отлично. Нет сдвига — значит, ты ему не настолько важна, чтобы меняться. И зна-

чит, пора искать кого-то, кто будет соответствовать. Хочешь, кстати, познакомлю с тем самым Вадимом поближе? Не по бизнесу, а так. У него, говорят, свой бизнес, квартира в центре...

— Спасибо, не надо, — оборвала я.

— Ну смотри. Просто помни, что время идёт. Тебе двадцать пять, а не тридцать пять, конечно. Но лучше не затягивать.

Кристина хотела что-то сказать, но осеклась. Я видела в её глазах что-то похожее на жалость, но не была уверена — может, просто отражался свет от лампы.

Мы допили кофе. Лера рассказывала про своего нового знакомого — какого-то айтишника, который обещал ей инвестиции в стартап. Кристина кивала. Я смотрела в окно и думала: а что если Лера права? Что если Мартин действительно не способен меняться? Что если я трачу время на человека, который никогда не станет опорой? И что если я, сама того не замечая, уже превратилась в его мать, которая всё требует и требует, а он, как подросток, всё чаще уходит в ночные смены?

Но была и другая мысль. Она жила где-то глубоко внутри, как заноза. Мысль о том, что Лера никогда не была замужем. Что её отношения длятся максимум полгода и заканчиваются скандалами. Что она даёт советы о том, через что сама ни разу не проходила. И что её забота обо мне почему-то всегда сводится к одному: «ты достойна лучшего». А что, если «лучшее» — это то, чего у неё самой никогда не было?

Когда мы прощались на улице, Лера обняла меня крепко и шепнула на ухо:

— Покажи ему, что ты не просто женщина. Что ты — приз. Приз, за который надо бороться.

Глава 6. Мартин. "Детство"

Моя мать никогда не говорила «я тебя люблю».

Она говорила: «ешь», «надень шапку», «не лезь в драку», «я приду поздно», «ключи на тумбочке», «деньги в конверте». И каждый раз, когда она уходила — а она уходила на три работы, потому что отец ушёл ещё до того, как я научился спрашивать «почему», — я стоял в коридоре и смотрел на захлопывающуюся дверь, и думал: «Ну скажи. Скажи, что любишь. Хотя бы раз».

Она не говорила.

Сейчас, лёжа без сна в половине пятого утра, глядя в ту же трещину на потолке, на которую смотрела Элин час назад перед тем, как уснуть спиной ко мне, я думал: я выбрал её именно потому, что она была другой. Тёплой. Она говорила «я тебя люблю» с лёгкостью, которая меня поначалу пугала — я не верил, что так бывает. А потом привык. А потом она перестала.

Нет, не перестала. Просто заменила «я тебя люблю» на «у нас есть план на квартал». И я, как дрессированный пёс, не заметил подмены. Пока не стало поздно.

Мать работала на фабрике, в две смены, а по выходным мыла подъезды. У неё были руки, покрытые трещинами от химии, и лицо, которое старело быстрее, чем календарь. Когда я болел, она не сидела у кровати — она оставляла мне бульон в кастрюле и говорила: «Если температура за сорок — вызывай скорую. Номер на холодильнике». Мне было восемь. Я уже умел варить макароны и застирывать рубашки.

Отец? Его не было. Мать никогда не говорила о нём плохо — она вообще о нём не говорила. Однажды я нашёл в старом альбоме фотографию: мужчина в форме, с улыбкой, похожей на мою. Я спросил: «Это он?». Мать вырвала фото из альбома и спрятала. Больше я не спрашивал. Позже, когда пошёл в полицию, кто-то из старых сотрудников обмолвился, что мой отец служил и погиб при задержании. Мне было двадцать два, когда я это узнал. И двадцать два года я жил с ощущением, что я — результат чьей-то ошибки, а не чей-то любви.

И теперь, когда Элин смотрит на меня сквозь свои таблицы, я снова чувствую это. Что я — ошибка. Что я — функция. Что если я перестану приносить результат, от меня откажутся.

— Ты слишком много требуешь, — сказала она однажды. — Ты хочешь, чтобы я была нежнее? Будь тогда успешнее.

Я не хочу быть успешным. Я хочу, чтобы меня просто не бросали. Но она не понимает. И я не умею объяснить. Потому что в детстве меня не научили просить. Меня научили справляться.

Утром, всё в то же серое утро после ночной смены, я попробовал. Элин стояла у плиты, жарила яичницу — редкий жест, обычно она не завтракала дома, экономила время. Я подошёл сзади, обнял её за талию, уткнулся носом в затылок. От волос пахло всё тем же дорогим шампунем, но кожа была тёплая, живая, и на секунду я поверил, что всё можно починить. Просто обнять. Просто постоять вот так, как раньше.

— Мартин, — сказала она, не оборачиваясь. — У меня яйца подгорят. Давай не сейчас.

Руки разжались сами. Я отошёл, сел за стол, и комната стала чуть холоднее. Или это я стал холоднее? Я смотрел на её спину, на лопатки, которые двигались под футболкой, и думал: когда-то она поворачивалась и целовала меня, забывая про плиту. Когда-то ей было не всё равно, подгорят яйца или нет. Теперь — «давай не сейчас».

И это «не сейчас» я помнил ещё из детства. Мать говорила: «Не сейчас, я устала, давай потом». «Потом» не наступало никогда.

Я понял в то утро: Элин не жестока. Она просто не замечает, что включила тот же механизм, что и моя мать. Механизм выживания. Когда ты пашешь, чтобы не утонуть, ты отключаешь всё, что не помогает плыть. Нежность не помогает. Объятия не приносят денег. «Я тебя люблю» не конвертируется в курс доллара. И она, напуганная девочка, которая в двадцать пять боится повторить судьбу своей матери, просто выключила печку, на которой грела нас обоих. А я остался снаружи, на морозе, и не знаю, как сказать ей, что замерзаю.

Вечером я позвонил Косте и спросил, можно ли занять денег до следующей получки. — У тебя всё нормально? — спросил он, и я услышал, как на заднем плане плачет его дочь — мелодично, горько, как плачут дети, которые не понимают, почему папа больше не живёт с ними.

— Нормально, — сказал я. — Просто хочу купить Элин кое-что. Она любит подарки.

Врал я плохо. Костя не поверил, но денег дал. Я перевёл их Элин сразу же — чтобы она увидела, что я могу, что я не пустое место, что я вкладываюсь в её бизнес и в нас. Она сказала «спасибо», но в глазах её было что-то другое. Не благодарность. Скорее, стыд. Или обида. Или то, чему я пока не знал имени.

Ночью я лежал и думал о том, что в детстве я мечтал: вырасту — у меня будет дом, где говорят «я тебя люблю». Просто так. Не за пятёрки в дневнике. Не за то, что помыл посуду. Не за то, что заработал денег. Просто так. И вот мне двадцать семь, я лежу в квартире, за которую мы платим ипотеку, которой нет конца, и женщина, которую я люблю, говорит со мной цитатами из бизнес-тренингов. А я молчу. Потому что меня не научили просить о любви.

Меня научили только ждать её в коридоре перед захлопнутой дверью.

И сейчас, кажется, я всё ещё там.

Глава 7. Элин. "Список"

Я нашла его случайно. Телефон Мартина лежал на тумбочке, экраном вниз, и когда он завибрировал — какое-то уведомление, — я машинально взяла в руки, чтобы отнести ему в ванную. Но экран загорелся, и я увидела то, что не должна была видеть.

Удалённое сообщение. Лера: «Ты достоин большего».

Я замерла. Пальцы похолодели. Сообщение, удалённое, значит — он его видел? Почему она ему это пишет? Почему он стёр? Что значит «достоин большего» — большего, чем я? Или большего, чем то, что я ему даю?

Я положила телефон обратно и вышла из спальни. Ноги сами принесли меня на кухню, где на столе всё ещё лежал тот самый список — «цели на квартал», с пятым пунктом «перестать бояться». Я смотрела на него и не видела. Перед глазами стояла строчка из удалённого сообщения моей лучшей подруги моему мужчине.

Через час Мартин ушёл на смену, и я осталась одна.

Я открыла свои соцсети и стала листать. Не чужие успехи — на этот раз я искала наши старые фотографии. Вот мы на даче у Кости, два года назад: Мартин держит меня на руках, я хохочу, волосы растрёпаны ветром, и никакого макияжа, никакого «имиджа». Вот видео — я нашла его в архиве чата с ним, — где он говорит: «Ты моё солнце, слышишь? Просто будь. Я всё остальное сам». Голос у него был тогда другой. Не уставший. Не пустой. Тёплый, как чай, который я перестала ему наливать.

Я переслушала это сообщение трижды, и с каждым разом внутри что-то разрывалось. Я плакала — зло, некрасиво, размазывая слёзы по щекам. Плакала не от жалости к себе, а от ярости: почему он не может быть таким сейчас? Почему он перестал говорить мне такие слова? Почему он перестал смотреть на меня так, как смотрел тогда, на даче, под яблоней, когда весь мир был просто фоном для нас двоих?

И тут же, как пощёчина, ответ: а когда я в последний раз смотрела на него так? Когда я в последний раз говорила ему «ты моё солнце»? Когда я в последний раз смеялась, а не критиковала?

Я подошла к зеркалу. Из него на меня смотрела женщина с красными глазами и упрямо сжатым ртом. Женщина, которая превратила любовь в бизнес-план. Которая требовала, но не отдавала. Которая слушала подруг, но не слышала мужчину, который просто хотел, чтобы его обняли.

— Ты становишься как моя мать, — прошептала я, и от этой мысли внутри всё оборвалось. Нет. Только не это. Только не холодная, вечно уставшая женщина, которая всё тащила на себе и в итоге осталась ни с чем. Я не хочу так. Я не хочу потерять его.

Но что-то внутри меня — тот самый голос, который Лера всегда называла «голосом разума», — сказал: «Ты не можешь просто стать слабой. Если ты сейчас уступишь, он сядет на шею. Это закон».

— Чей закон? — спросила я вслух. — Кто его придумал?

Ответа не было. Только тиканье часов и метель за окном. Я подошла к списку целей, взяла ручку и хотела перечеркнуть все пункты. Переписать. Написать вместо «финансовая подушка» — «обнять Мартина и не отпускать». Но не смогла. Палец замер над бумагой, и я просто дописала шестой пункт, потому что не могла оставить только пять.

Пункт шестой: «Понять, кто я без своих требований».

Я не знала, когда смогу его выполнить. Но сам факт того, что я это написала, уже был шагом в темноту. А в темноте, как известно, можно либо найти свет, либо споткнуться и разбиться.

Глава 8. Элин. "Вадим"

На этот раз он назначил встречу в ресторане. Не в кофейне, не в офисе, а в ресторане — с бордовыми скатертями, приглушённым светом и официантами, которые говорили вполголоса. Когда я вошла и увидела отдельный кабинет, заказанный на имя Вадима, внутри всё ждалось.

— Проходите, Элиночка, — он поднялся мне навстречу, на этот раз без галстука, в расстёгнутой на две пуговицы рубашке. От него пахло дорогим одеколоном, но под ним — что-то ещё. Что-то, что я не могла определить словами, но от чего хотелось немедленно вымыть руки.

— Мы договаривались обсудить детали поставки, — сказала я, не садясь.

— Обсудим, — он улыбнулся. — Но сначала поужинаем. Я заказал лосося. Вы, женщины, любите лосося, правда? Лёгкое, диетическое. Чтобы фигуру беречь.

Я села. Не потому что хотела, а потому что ноги устали за день, и мне некуда было идти, кроме как домой, где меня ждал или не ждал Мартин. Вадим разлил вино. Я не притронулась.

— Вы зря напрягаетесь, — сказал он, нарезаю рыбу. — Я не кусаюсь.

— Я просто хочу решить вопрос со свитерами, — сухо. — Цена, сроки, логистика.

— Будет вам цена. Будет логистика. Кстати, по логистике — есть один вариант через Казахстан, дешевле на пятнадцать процентов. Но там нужны связи. У меня они есть.

Он потянулся через стол и накрыл мою руку своей ладонью. Я вздрогнула, отдёрнула руку, и он усмехнулся — не обиженно, а снисходительно.

— Не надо так реагировать. Это просто жест. Вы в бизнесе, в бизнесе люди касаются друг друга. Это ничего не значит.

— Для меня значит.

— Вы слишком принципиальная, Элин. Вам же сложно. Мужчинам не нравятся принципиальные женщины. Им нравятся те, кто умеют быть... гибкими.

Я встала.

— Кажется, нам не о чем разговаривать. Контракт аннулируйте.

Он не двинулся. Только поднял бокал и посмотрел сквозь вино на свет.

— Лера говорила, вы с характером. Не ошиблась. Но вы подумайте: новый поставщик сейчас — это золото. Без меня вы товар не получите. А без товара ваш павильон — просто коробка с арендой. Не дурите.

Я стояла, и внутри меня боролись два голоса. Один: «Уходи. Немедленно». Другой — голос Леры, которая умела убеждать, — нашёптывал: «Он просто играет по своим правилам. Подстройся, получи скидку, а потом забудь. Бизнес есть бизнес».

— Я подумаю, — сказала я и вышла, поймав его улыбку спиной.

На улице мороз ударил в лицо отрезвляюще. Я села в машину и не заводила её несколько минут. Мне было противно. От себя. От того, что я не дала ему пощёчину за «Элиночку». От того, что не разорвала контракт сразу. От того, что теперь я должна буду объяснять Лере, почему я «опять всё усложняю».

Телефон зажужжал. Лера.

— Ну что, как прошло?

— Он меня лапал, — сказала я ровным голосом. — И дал понять, что скидка зависит от моей «гибкости».

— Ой, да брось. Лапал! Это просто мужская привычка. Он итальянский типаж, эмоциональный. Ты его неправильно поняла. Контракт-то не аннулировала?

— Пока нет.

— Вот и умница. А насчёт «гибкости» — ну, может, ему просто нужно немного женского внимания. Пригласи его на деловой обед, улыбнись, сделай комплимент. Это не проституция, это деловая этика.

— Лера, — перебила я. — Ты бы согласилась, чтобы твой партнёр по бизнесу так с тобой обращался?

Пауза. На том конце что-то скрипнуло. Потом:

— У меня другой бизнес, Элин. И другие партнёры. Не сравнивай.

— Ага, — я нажала отбой.

В этот момент, кажется, я впервые поняла: Лера никогда не была на моём месте. Она даёт советы из зрительного зала, пока я на сцене, и не отвечает за последствия. И от этого понимания мне стало ещё холоднее, чем от мартовского ветра.

Дома меня встретила тишина. Мартин ещё не вернулся. Я переоделась, смыла макияж, который казался маской, и села на кухне, не включая свет. В темноте было легче думать. Я вспоминала его голос из того старого сообщения: «Просто будь». И лицо Вадима, который говорил: «Будьте гибкой». Два разных мира. Два разных мужчины. И я где-то между ними, потерянная и злая на себя за то, что не могу выбрать сразу и навсегда.

Когда входная дверь хлопнула, я вздрогнула. Мартин вошёл, уставший, с синяком на скуле. Я хотела спросить: «Что случилось?». Но вместо этого сказала:

— Как твоя зарплата? Есть новости?

И по его глазам поняла: я опять всё испортила.

Глава 9. Мартин. "Свои"

— Ну и дурак ты, Мартин, — сказал Костя, когда мы выехали на очередной вызов. — Я тебе как друг говорю: дурак. Можно было ведь просто смолчать.

Мы катили по разбитому асфальту промзоны, и Костя говорил, не глядя на меня. Он был зол — не на меня, а за меня. Это было заметно по тому, как он крутил руль и щурился на светофоры.

— Нельзя было, — ответил я. — Она мне пишет в три часа ночи: «Ты достоин большего». А днём советует Элин поставить мне ультиматум. Ты понимаешь, что это?

— Понимаю. Это классическая змея. Но ты зачем ответил? Теперь она знает, что ты её раскусил. И начнёт мстить. Например, расскажет Элин, что ты первый начал.

— Я ничего не начинал.

— А она вывернет. Поверь, я знаю таких.

Я отвернулся к окну. Костя, может, и прав. У него опыта в житейских дрызгах было больше, чем у меня в оперативной работе: алименты, раздел имущества, бесконечные суды с бывшей женой. Он знал, как женщины — и не только бывшие — могут переписывать реальность. Но я не мог иначе. Я не мог больше быть пешкой. Лера считала, что может дёргать за ниточки, и я обязан был показать ей, что ниточки порваны.

— Она может мстить, — повторил я. — Но я больше не позволю ей управлять моей жизнью. Даже если это будет стоить мне отношений.

Костя покосился на меня, но ничего не сказал. Только вздохнул. У него на такие разговоры был один ответ — вздох, который означал: «Ты всё равно сделаешь по-своему, зачем тогда спрашивать». Но я не спрашивал. Я ставил себе диагноз.

Выехали на адрес — драка в супермаркете. Двое поддатых парней не поделили тележку с гречкой. Это было бы смешно, если бы не было так тоскливо. Гречка в 2026 году опять подорожала, и люди бились за скидку в пять рублей. Я стоял, оформлял протокол, а сам думал: мы все — эти парни, эта женщина с ребёнком, что жалась к кассе, этот охранник с уставшим лицом — мы все дерёмся за свои крохи. И я дерусь. За крохи внимания. За крохи тепла. За крохи любви, которые когда-то давались просто так.

На обратном пути Костя вдруг сказал:

— Ты когда последний раз был счастлив? Не «всё нормально», не «работа идёт». А просто — счастлив?

Я задумался. Не потому что не знал ответа, а потому что боялся его произнести.

— Два года назад, — сказал наконец. — Когда она сказала: «Ты — мой». И мы сидели на полу в пустой квартире, ели доширак и смеялись. У нас не было денег на мебель, но нам было плевать.

— А сейчас?

— А сейчас мы спим в одной кровати, но между нами — список целей на квартал. И я не знаю, как его порвать.

Костя сжал руль и долго молчал. Потом тихо:

— Она поймёт. Если любит — поймёт. Но понять она сможет, только если ты перестанешь молчать. Ты ей вообще говорил про своё детство? Про мать?

Я покачал головой. Нет. Я никогда не рассказывал Элин про мать. Про то, как стоял в коридоре и ждал. Про то, как боялся, что она не вернётся. Про то, что я до сих пор иногда просыпаюсь в холодном поту от мысли, что меня опять оставят.

— Я не умею, — сказал я. — Меня не научили.

— Тогда научись сейчас. Или потеряешь её окончательно.

Я ничего не ответил. Я смотрел на серые дома, на облезлые вывески, на очередь в аптеку, где люди стояли за противовирусными — какой-то новый штамм опять гулял по стране. И думал: я ловлю преступников, я могу заломать руку здоровому мужику, я могу выдержать ночную смену без сна, но я не могу просто открыть рот и сказать женщине, которую люблю: «Пожалуйста, не бросай меня. Просто обними. Просто будь». Это страшнее, чем нож. Это страшнее, чем выстрел. Потому что если я скажу, а она ответит: «Не сейчас», — я не смогу пережить это снова.

Я уже переживал. В детстве. И я знаю: у некоторых ран нет рубцов. Они просто открываются заново каждый раз, когда кто-то говорит «не сейчас».

Глава 10. Элин. "Мать"

Я поехала к ней без предупреждения. Просто села в автобус, потом в метро, потом в маршрутку, и через полтора часа стояла на пороге её квартиры — старой, с облупившимся дверным косяком и запахом жареного лука из общего коридора.

Мать открыла не сразу. Она смотрела в глазок, потом возилась с замком, и когда наконец дверь распахнулась, я увидела её лицо — уставшее, постаревшее, но всё ещё с тем же упрямым подбородком, который я видела в зеркале.

— Чего не позвонила? — спросила она вместо привет. — У меня не прибрано.

Я ничего не ответила, просто вошла и села на кухне, где всё было, как в моём детстве: старый холодильник «Минск», часы с кукушкой, которые не работали уже десять лет, и вечная банка с гречкой на столе. Мать поставила чайник и села напротив, сложив руки на коленях. Она не спрашивала, что случилось. Она всегда знала, что если я приехала без звонка, значит, случилось.

Мы молчали. Я смотрела на её руки — те же трещины от бытовой химии, те же морщины. И вдруг подумала: она ведь тоже когда-то была молодой. Строила планы. Мечтала. А потом пришла семья, и быт, и отец, который ушёл, не оставив ничего, кроме алиментов, которые приходили раз в полгода. И она сломалась. Но не призналась в этом. Ни разу.

— Мам, — сказала я, и голос дрогнул. — Как ты поняла, что с папой всё кончено?

Она подняла глаза, и в них мелькнуло что-то — боль, старая, но ещё живая.

— Когда перестала его ждать. Он уходил, а я стояла в коридоре. Как дура. А потом однажды поняла: я стою не от любви, а от привычки. И перестала. Легла спать, и больше не вставала, чтобы встретить.

Я вспомнила Мартина. Как он входит в дверь, а я не встаю. Как он просит чай, а я даю ему таблицу. Как он обнимает меня, а я говорю «давай потом».

— Мам, а если я не хочу переставать ждать? Если я его люблю?

— Тогда не переставай. Но ты сейчас приехала не ко мне за советом, доча. Ты приехала, чтобы услышать то, что сама уже знаешь. Говори. Я слушаю.

И я заговорила. Впервые за всё время — честно, без прикрас, без списков и таблиц. Про бизнес, который валится. Про подруг, которые советуют ультиматум. Про Леру, которая пишет Мартину сообщения за моей спиной. Про то, что я боюсь стать ею — мамой, которая всё тащила на себе и осталась ни с чем. Про то, что я, кажется, уже стала ею.

Мать слушала молча. Потом встала, налила чаю и поставила передо мной чашку. И сказала то, что я никогда не забуду:

— Ты не мной становишься, Элин. Ты становишься моим страхом. Я боялась нищеты — и научилась экономить. Я боялась одиночества — и научилась не ждать. А ты боишься провала — и учишься требовать. Но, доча, требовать легко. А ты попробуй дать. Дай ему то, что он просит. Он же не денег просит, правда?

— Он просит тепла, — прошептала я.

— Ну так дай. Ты не обеднеешь. Тепло — это не товар, его не надо закупать по курсу. Оно просто есть внутри. Если ты ещё не всё раздала.

Я сидела, держа чашку обеими руками, и слёзы текли по щекам молча. Мать не обнимала меня — она никогда не умела обнимать. Но она сидела напротив и смотрела, и в её взгляде было то, что я всегда искала: разрешение быть слабой.

— Он уйдёт, мам. Я чувствую, он уже на пороге. И я не знаю, как его удержать.

— А ты не держи. Ты просто будь. Иногда это единственное, что нужно.

Я вспомнила его голос — «просто будь». И заплакала в голос, потому что поняла: он говорил мне это. А я не слышала.

Вечером я вернулась домой с ощущением, что внутри меня что-то сдвинулось. Не исчезло, не рассыпалось. Но треснуло — та самая стена, которую я строила из списков и требований. Я вошла в квартиру, и впервые за долгое время не села за ноутбук. Я просто ждала его.

Он пришёл поздно. С разбитой губой. С глазами, в которых что-то погасло. Я посмотрела на него и хотела сказать: «Я поняла. Я всё поняла». Но он заговорил первым.

И то, что он сказал, ударило меня сильнее, чем любое слово из бизнес-тренингов.

Глава 11. Мартин. "Задержание"

Всё пошло не по плану с самого начала.

Мы брали фигуранта в гаражах — классика, бетонные коробки за промзоной, где даже связь не ловит. Он был наркодилером средней руки, но с замашками: три ходки, нож, которым он однажды уже пырнул опера, и полная уверенность, что в этот раз он тоже уйдёт. Я видел таких десятки раз. У них особый взгляд — как у крысы, загнанной в угол: страх и агрессия в одном флаконе.

Костя страховал слева, Макс — справа. Я заходил первым. В гараже пахло соляровкой и прелой листвой, и этот запах на секунду вернул меня в детство — мы с пацанами играли в таких же гаражах, пока матери не загоняли домой. Ностальгия длилась долю секунды, а потом из темноты вылетела арматура.

Я ушёл в сторону, но недостаточно быстро. Железо чиркнуло по голове, сорвав кожу над ухом, и в глазах вспыхнули белые искры. Дальше — инстинкты. Захват, подсечка, удар в корпус, наручники. Фигурант хрипел и матерился, а я прижимал его лицом к бетону и чувствовал, как по шее течёт тёплое. Кровь. Моя.

— Ты цел? — Костя подскочил, оттащил меня в сторону. — Дай гляну.

— Царапина, — сказал я, хотя голова гудела, как колокол. — До свадьбы заживёт.

В травмпункте мне наложили три шва и велели ехать домой. По протоколу — освобождение от службы на сутки. Я подписал отказ от госпитализации, потому что не было сил сидеть в коридоре среди пьяных и бомжей и ждать, пока меня осмотрит замученный врач с зарплатой, на которую не купишь даже гречку. Костя предлагал подвезти, но я отказался. Я хотел домой. Не в квартиру — домой. Туда, где меня, как я надеялся, ждут.

Я ошибся.

Элин открыла дверь с телефоном в руке. Она окинула меня взглядом — кровь на воротнике, повязка на голове, разбитая губа, — и лицо её не дрогнуло. Я ждал чего угодно: крика, испуга, «боже мой, что с тобой». Но она сказала:

— Ну и зачем? Ради зарплаты, которую задерживают?

Я стоял и не верил своим ушам. Голова гудела, швы стягивали кожу, и каждое её слово было как пощёчина по свежей ране.

— Там был человек с арматурой, — сказал я медленно. — Он мог проломить мне череп. Или Косте. Или Максу. Мы его задержали. Мы сделали свою работу. Я пришёл домой, и я хочу... я хочу...

Я не договорил. Потому что не знал, чего хочу. Чтобы обняла? Чтобы сказала «я рада, что ты жив»? Чтобы просто посмотрела на меня и увидела — не функцию, не проект, не «траекторию», а просто мужика, у которого сегодня был шанс не вернуться?

— Ты хочешь, чтобы я тебя пожалела, — она скрестила руки на груди. — Но, Мартин, я устала жалеть. Ты каждый день рискуешь жизнью за копейки, и считаешь это геройством. А я считаю — глупостью. Потому что геройство не кормит. Потому что семья — это когда ты думаешь не о том, как поймать очередного уroda, а о том, как обеспечить тех, кто тебя ждёт.

— Ты меня ждёшь? — спросил я тихо. — Ты правда меня ждёшь?

Она замолчала.

Я вышел на балкон. Без куртки, в одной футболке, на минусовой ветер, который обжёт лицо отрезвляюще. Внизу, под балконом, спал район: панельки, редкие фонари, чья-то забытая машина с работающей аварийкой. В другой квартире кто-то смеялся — громко, пьяно, беззаботно. А у меня внутри была тишина.

Я думал: сегодня я мог умереть. Не драматично, не героически — просто получить арматурой в висок и остаться на бетонном полу гаража, где пахнет соляжкой и прелой листвой. И последнее, что я услышал бы от женщины, которую люблю, было бы: «Вечером нужно обсудить твою карьерную траекторию». Меня бы хоронили в закрытом гробу, и она бы стояла в чёрном платке и думала: «Он так и не выполнил КРІ».

Я засмеялся — беззвучно, горлом, как кашляют простуженные. Смех был горький. Я смотрел на свои руки — они дрожали. От холода или от того, что только сейчас отпустило. Вспомнил, как держал голову тому подростку в сугробе, как говорил ему: «Всё будет хорошо, дыши». А потом пришёл домой и услышал про деньги. Я вспомнил Костиного фигуранта и то, как я уходил от арматуры. И то, как Элин сказала «ты опять в телефоне». И понял, что я больше не могу.

Не могу просить любви. Не могу заслуживать её, как щенок заслуживает лакомство, выполняя команду «голос». Я не щенок. Я человек. И я, чёрт возьми, достоин просто тепла. Без условий.

Я простоял на балконе ещё пять минут. Потом вошёл обратно в квартиру. Элин сидела на кухне, всё с тем же телефоном.

— Завтра я уеду к Косте, — сказал я ровным голосом. — Надо пожить отдельно.

Она подняла глаза. В них что-то дрогнуло — может быть, страх, может быть, обида. Но она не сказала «не уходи». Она сказала:

— Если ты так решил.

Я кивнул, прошёл в спальню, взял сумку и начал собирать вещи. Она не вошла. Я слышал, как она сидит на кухне, не двигаясь. И в этой тишине между нами было больше правды, чем во всех словах, которые мы не сказали друг другу за последние полгода.

Я лёг спать на диване, сумку поставил рядом — как готовый чемодан перед дорогой, в которую не знаешь, когда отправишься и вернёшься ли вообще. Я закрыл глаза и увидел мать. Она стояла в коридоре и молча смотрела на меня. Я хотел спросить: «Мама, зачем ты меня не

обнимала?». Но она уже растворилась, а на её месте возникла Элин, которая смотрела на свою таблицу и не замечала, как я замерзаю.

Я отвернулся к стене и впервые за долгое время не стал ждать, пока она подойдёт. Я просто перестал ждать вообще.

А утром я проснулся от того, что входная дверь хлопнула. Элин ушла раньше обычного. На столе лежал её список целей. Пять пунктов. Шестой — новый, дописанный вчера: «Понять, кто я без своих требований».

Я смотрел на эту строчку и думал: может, она всё-таки ищет. Может, ещё не всё потеряно. Но потом я провёл пальцем по швам на голове, почувствовал боль, и понял: искать — мало. Нужно действовать. Нужно говорить. И нужно перестать ждать.

С этого утра я начал искать слова. А Элин — себя. И мы оба ещё не знали, встретятся ли наши поиски когда-нибудь в одной точке.

Глава 12. Лера. "Чужая земля"

Я всегда знала, что у меня нет того, что есть у Элин. Но потребовалось два года, чтобы это осознание превратилось из лёгкого укола в постоянную, ноющую боль где-то под солнечным сплетением.

Она не замечала. Она вообще многого не замечала, эта девочка с идеальными таблицами и наивной верой в то, что мир можно спланировать. Она думала, что я её лучшая подруга. Что я желаю ей счастья. Что мои советы — это забота. Может быть, когда-то так и было. Но теперь, сидя в своей пустой квартире с видом на парковку и мусорные баки, я точно знала: я не желаю ей счастья. Я желаю ей потерпеть крах. Чтобы она поняла, каково это — быть мной.

У неё был Мартин. Смешной, серьёзный парень с руками, которые пахли металлом, и глазами, которые смотрели на неё так, будто она — единственный источник света в этой чёртовой стране. Когда мы познакомились на той вечеринке, я подумала: вот, это мой шанс. Он стоял у окна с бутылкой минералки — не пил, потому что был за рулём, — и рассказывал что-то про свою работу, про то, как они раскрыли серию краж. Я смеялась, трогала его за рукав, говорила: «Ты, наверное, очень смелый». А потом подошла Элин — просто взяла его под руку, и он забыл обо мне в ту же секунду.

Я тогда улыбнулась. Я всегда улыбаюсь. Улыбка — мой главный инструмент, более острый, чем нож. И в тот вечер я решила: я отниму его. Не сразу. Неделя за неделей, месяц за месяцем. Капля за каплей. Как мышьяк.

Метод был прост: под видом поддержки подтачивать её веру в него. «Ты достойна большего» — это звучит как комплимент. «Ты тащишь всё на себе» — это звучит как сочувствие. Но под этим — яд. Я знала, что Элин слаба там, где она считает себя сильной: в гордости. Она боится стать как мать — и я играла на этом. Она боится, что её не оценят, — и я каждый день подтверждала: да, он тебя не ценит. Смотри, он опять без повышения. Смотри, он опять не заработал. Смотри, он просит чай, вместо того чтобы решать проблемы.

И она верила. Потому что я умная. Потому что я знаю, как устроены женщины вроде неё: они привыкли всё контролировать и страшно боятся потерять контроль над своей жизнью, в том числе над мужчиной. Я давала ей иллюзию контроля: «Сделай так, поставь ультиматум, ты имеешь право». И она послушно выполняла мои инструкции, думая, что управляет ситуацией, а на самом деле управляла ситуацией я.

И всё работало. До этого вечера.

Когда я написала Мартину то самое сообщение — «Ты достоин большего», — я знала, что он его прочтает. Знала, что он удалит, потому что он слишком порядочный, чтобы вовлекаться. Но я хотела, чтобы зерно упало. Чтобы он задумался: а вдруг и правда достоин? А он, вместо того чтобы задуматься, ответил мне. Жёстко. Чётко. Как пощёчина.

«Лера, я всё знаю. Если ты ещё раз напишешь мне или посоветуешь Элин что-то про наши отношения, я расскажу ей всё. Ты не желаешь ей добра. Ты хочешь разрушить то, что у нас осталось. Не лезь».

Я читала это, и внутри у меня всё сперва сжалось, а потом загорелось. Не от стыда — стыда я не чувствовала уже давно. От злости. Он посмел меня отвергнуть? Он, простой опер с вечно задержанной зарплатой, который живёт в хрущёвке и чинит свою машину в гараже, — он поставил меня на место? Он сказал «я всё знаю», как будто я какая-то змея подколотная?

Но самое страшное — он был прав. Именно это меня и бесило. Я действительно хотела разрушить. Потому что не могла вынести мысли, что у Элин есть то, чего у меня никогда не было. Искренний мужчина. Человек, который смотрит не на размер твоей груди и не на сумму на карточке, а в глаза. Который готов занимать деньги, лишь бы её бизнес не рухнул. Который молча уходит в душ, чтобы не сказать грубости, хотя она методично выгрызает ему душу своими списками.

У меня никогда не было такого. У меня были связи, интрижки, романы на месяц, спонсоры, которые дарили сумки и растворялись в тумане. Они все хотели что-то получить — тело, статус, свободный доступ. А Мартин хотел просто любви. И это раздражало меня до зубного скрежета.

Я налила себе бокал белого — итальянское, Pinot Grigio, единственная роскошь, которую я могла себе позволить в этом месяце, потому что Вадим задерживал оплату за консультации по логистике, а больше у меня источников дохода не было. Да, я жила не на одну зарплату, но зарплата была смешной, а накоплений не было. Вадим обещал долю с поставок — тех самых свитеров, которые я помогла ему заключить с Элин. Но Вадим был скользкий тип, и я знала: свои деньги я увижу не скоро и не полностью.

Я сделала глоток и посмотрела на своё отражение в окне. Красивая женщина. Ухоженная. Одинокая. В тридцать два года — одна в съёмной квартире с мебелью из масс-маркета и чайником, который протекает, если налить больше двух чашек. Без семьи. Без детей. Без человека, который ждал бы меня с работы и спрашивал: «Ты как?». У меня были только подруги, и тем из них, кто был счастливее меня, я помогала. По-своему.

Я допила бокал и написала Элин. Не Мартину — он разгадал меня, и с ним игра окончена. Но с ней — нет. С ней игра только начиналась, потому что теперь, когда Мартин рассказал ей (а я была уверена, что он расскажет, иначе зачем было угрожать), её доверие ко мне треснет. Но трещину можно замазать. В конце концов, я всегда могу сказать: «Да, я написала ему, потому что беспокоилась о тебе, потому что хотела, чтобы он знал, как тебе тяжело». Всё можно перевернуть с ног на голову, если у тебя хорошо подвешен язык.

Моё сообщение Элин было коротким:

«Привет. Как ты? Давно не виделись. Может, встретимся на неделе? Есть идеи насчёт твоего бизнеса. И про Мартина поговорим. Я вижу, что ты переживаешь».

Отправила. И стала ждать. Ждать и смотреть на огни ночного города за окном — чужие окна, чужие жизни, чужие мужчины, которые никогда не будут моими по-настоящему.

Я когда-то тоже хотела любви. Но потом поняла: если ты не умеешь её давать, остаётся только брать. Брать и разрушать. Потому что разрушать — это единственное, что у меня получается хорошо.

Я залпом допила вино и легла спать. Одна. Как всегда.

Глава 13. Элин. "Доллар на взлете"

Утро началось с письма от поставщика.

«В связи с динамикой курса и решением ЦБ о дополнительном регулировании валютных операций, цена партии подлежит пересмотру. +17% к оговорённой сумме. Предоплата в рублях по новому курсу в течение трёх рабочих дней. В противном случае договор аннулируется».

Я перечитала письмо трижды, и с каждым разом цифры становились всё более нереальными. Плюс семнадцать процентов. Это означало, что вся моя маржа превращается в ноль, а то и в минус. Это означало, что аренда павильона, которую я платила из предоплаты, теперь ложилась долгом. Это означало, что просрочка с выплатами по кредиту за прошлую партию — тот самый кредит, который я взяла под чудовищные проценты, — теперь неизбежна.

Я закрыла ноутбук, открыла, пересчитала вручную на бумажке, потом в Excel, потом в калькуляторе на телефоне. Результат не менялся. Моя финансовая дыра только что увеличилась втрое.

Завтракать не хотелось. Я сидела в пижаме, с немойтой головой, и тупо смотрела в стену, где висела наша с Мартином фотография — та самая, с дачи, под яблоней. Он держит меня на руках, и я смеюсь. Счастливая. Без списков. Без КРІ. Без слова «траектория».

Телефон зазвонил. Лера.

- Аллю, — голос у меня был сухой, как наждак.
- Привет. Получила моё сообщение?
- Ещё не читала. У меня тут кризис.
- Вадим поднял цену?
- Да. Откуда ты знаешь?

Пауза. Недолгая, но достаточная, чтобы я насторожилась.

— Он мне звонил вчера, — сказала Лера осторожно. — Говорил, что курс скачет, что себе в убыток он работать не может. Хотел тебе напрямую говорить, но я сказала: «Вадим, не будь сволочью, у девочки бизнес горит». В общем, он согласился дать тебе отсрочку. Но просит личной встречи.

— Личной встречи, — повторила я. — Опять.

— Да, опять. Но на этот раз без ресторанов. Просто в его офисе. Днём. Ничего такого.

Я молчала. Лера вздохнула.

— Слушай, ты, конечно, девочка принципиальная, но бизнес есть бизнес. Либо ты идёшь, жмёшь ему руку, улыбаешься и получаешь свитера с отсрочкой, либо гордо закрываешь павильон и сидишь с долгами. Выбор за тобой. Но я бы на твоём месте выбрала свитера.

И повесила трубку.

Я смотрела на телефон, и внутри меня боролись гнев и отчаяние. Отчаяние побеждало. Потому что гнев — это роскошь для тех, у кого есть деньги. А у меня их не было. Мартин дал мне в долг, сколько смог, но этого хватило бы только на погашение процентов по кредиту. А до следующей выручки было ещё две недели, и выручка эта не могла появиться без товара.

Я уронила голову на руки и застонала. А потом встала, оделась, накрасилась — штукатурка по верх трещин, моя ежедневная ложь, — и поехала в офис Вадима.

Он принял меня в своём кабинете — на этот раз действительно без ресторанных скатертей, за обычным столом, заваленным бумагами. Был вежлив, сух, деловит. Подписал дополнительное соглашение об отсрочке. Цену, правда, не снизил, но дал месяц на оплату разницы. Я подписала, не глядя на цифры, потому что знала: если прочту — заплачу.

На прощание он задержал мою руку чуть дольше положенного и сказал:

— Жаль, что вы такая колючая, Элин. Из нас вышел бы отличный тандем. Не только деловой.

Я выдернула руку и вышла, не попрощавшись.

Вечером Мартин пришёл раньше обычного. Я сидела на кухне и пересчитывала бюджет в двадцатый раз. Он вошёл, молча сел напротив и положил передо мной конверт.

— Что это? — спросила я, хотя уже знала ответ.

— Деньги. Я занял у Кости. И ещё у начальника. Здесь немного, но на ближайший взнос по кредиту хватит.

Я смотрела на конверт и чувствовала, как к горлу подступает тошнота. Не от благодарности — от стыда. Он занял денег. Для меня. И принёс их в конверте, как приносят зарплату — молча, буднично, будто это само собой разумеется. А я на прошлой неделе говорила ему про «карьерную траекторию».

— Спасибо, — выдавила я. — Я отдам.

— Это наши общие деньги, — сказал он спокойно. — Я не даю в долг. Я вкладываю в нас. В нас. Он сказал «в нас», не «в твой бизнес». И от этого слова мне стало так больно и так тепло одновременно, что я не выдержала.

— Мартин, я... — начала и замолчала на полуслове. Потому что в ванной в этот момент что-то зашумело — кран сорвало, вода полилась, и он вскочил, побежал перекрывать, а я осталась одна с конвертом, полным чужих денег, и со своим невысказанным «прости».

Ночью, когда он уснул на диване, я подошла к нему. Он спал в одежде, как упал — лицом к стене, сжавшись в комок. Плед опять сполз на пол. Я подняла его, укрыла Мартина, и впервые за долгое время присела рядом, глядя на его лицо, расслабленное во сне. Он был мой. Он всё ещё был мой. Несмотря на всё, что я делала.

Я не сказала «прости». Но я подумала это. Очень громко. Так громко, что, кажется, он должен был слышать сквозь сон.

Он не услышал. Но что-то в его дыхании изменилось — стало спокойнее, ровнее. И впервые за месяц я легла спать не в спальне, а рядом с ним, на полу, привалившись спиной к дивану. Просто чтобы быть рядом. Без таблиц. Без списков.

Без слов.

Глава 14. Мартин. "Тишина"

Я перестал разговаривать не в один день. Это происходило постепенно, как гаснет свет в подъезде, когда выкручивают лампочки одну за другой. Сначала я перестал рассказывать о работе. Потом — перестал спрашивать о её делах. Потом мы стали общаться сообщениями, даже сидя в одной комнате: «Купи хлеб», «Оплати квитанцию», «Я сегодня поздно». И вот теперь я лежал на диване, смотрел в потолок и не мог вспомнить, когда в последний раз говорил ей фразу длиннее пяти слов.

Она не замечала. Или делала вид, что не замечает. Она была занята — её бизнес трещал по швам, как старая рубашка, и она латала его всеми доступными средствами. Я не осуждал. Я понимал. Но понимать — не значит не чувствовать. А я чувствовал только одно: тишину.

В воскресенье я собрал сумку. Небольшую — пара футболок, бельё, зарядка, бритва. Документы положил отдельно. Я не делал громких заявлений, не хлопал дверьми. Просто сказал:

— Я пока поживу у Кости. Нам обоим надо подумать.

Она стояла в дверях кухни, сжимая в руке полотенце, и смотрела на меня. В её глазах не было ни злости, ни слёз — только усталость и что-то ещё, что я не мог разгадать.

— Если ты так решил, — сказала она тихо, и это «если ты так решил» ударило сильнее, чем если бы она кричала.

Потому что я хотел, чтобы она сказала: «Не уходи. Давай поговорим. Я попробую». Но она не могла. Она разучилась просить. Так же, как я разучился говорить.

Я вышел, закрыл дверь и постоял на лестничной клетке минуту, прислушиваясь. Тишина. Ни шагов, ни рыданий, ни «Мартин, вернись». Тишина.

Костя жил в панельке на другом конце района, с видом на железную дорогу. Он не задавал вопросов, просто открыл дверь, кивнул на диван и поставил чайник. Мы пили чай, молчали, и я думал о том, что мужская дружба — это, наверное, когда тебя готовы принять в час ночи без единого вопроса, просто помня, что ты однажды держал его голову на лестничной клетке, пока он не захлебнулся пеной.

— Расскажешь? — спросил Костя, когда мы выпили по второй кружке.

— Нечего, — сказал я. — Она не слышит меня. Я не слышу её. Мы как два глухих, которые объясняются криком, но кричат на разных частотах.

Костя кивнул. Он не стал давать советы. Он просто сказал:

— Диван твой. Живи, сколько надо.

Я лёг и закрыл глаза. Передо мной опять возникла та сцена: наша первая ссора, два года назад. Мы поругались из-за ерунды — я забыл купить молоко. Она расплакалась, я обнял её,

и мы просидели на кухне до утра, разговаривая обо всём на свете. Тогда она сказала: «Главное — не молчи. Обещай, что бы ни случилось, ты не будешь молчать».

Я обещал.

Теперь я лежал на чужом диване, слушал, как за стеной грохочет товарняк, и думал: я нарушил обещание. Но и она нарушила своё. Потому что когда-то она обещала: «Я с тобой, что бы ни случилось». И тогда это не требовало списков.

Тишина — это тоже язык. Мы говорили на нём уже неделю, и я боялся, что скоро мы просто перестанем друг друга помнить.

Глава 15. Элин. "Кофе"

Прошла неделя с тех пор, как он ушёл.

Я жила в пустой квартире, как в аквариуме, где забыли покормить рыбку, и она медленно плавает кругами, не понимая, почему вода стала холодной и всё вокруг замерло. Утром я вставала, шла на кухню, варила кофе на двоих по привычке, и выливала вторую чашку в раковину. Вечером садилась с ноутбуком, открывала таблицу, и закрывала, потому что цифры больше не имели значения. Бизнес шёл ко дну вместе с курсом рубля, и почему-то меня это волновало всё меньше.

Однажды вечером я поняла: если я сейчас не сделаю что-то — не таблицу, не список, не план, а просто человеческое что-то, — я потеряю его окончательно. И тогда я встала утром, надела его любимую рубашку — он забыл её в шкафу, старую, фланелевую, с протёртыми локтями, — и поехала к нему.

Адрес Кости я знала плохо, помнила только номер дома и подъезда, ездила наугад. Хрущёвка встретила меня запахом сырости и кошачьего наполнителя. Лифт не работал. Я поднялась пешком на седьмой этаж, запыхавшись, и позвонила в дверь.

Открыл Мартин. Он стоял в дверях — мой Мартин, мой, несмотря ни на что, — и смотрел на меня с тем же выражением, что и в тот вечер, когда я спросила про зарплату вместо того, чтобы спросить про самочувствие. Не удивлённо. Не радостно. Скорее настороженно, как смотрит пёс, которого уже били, и он не знает, ударят снова или погладят.

— Привет, — сказала я. — Я приехала без таблиц.

Он чуть улыбнулся, одними уголками, и пропустил меня внутрь. В квартире было холода, но чисто: пустая бутылка из-под кефира, зарядка, свисающая со стола, две кружки, обе с отбитыми ручками. Мы сели друг напротив друга, и я поняла, что не знаю, с чего начать. Все слова, которые я репетировала в метро, вылетели из головы.

Я пошла на кухню, нашла турку, кофе — самый дешёвый, молотый, который он пил на службе — и сварила. Принесла ему. Он взял кружку, и его пальцы на секунду коснулись моих. Обоих как током ударило. Он сидел, пил кофе, и я видела, как внутри него что-то боролось — желание поверить и страх снова обжечься. Я хотела спросить: «Что с нами? Как мы дошли? Когда мы перестали быть теми, кто смеялся на полу пустой квартиры и ел доширак?».

Но я не спросила. Потому что испугалась ответа. И потому что привычка — страшная сила. Вместо этого мой рот открылся и выдал:

— Я нашла тебе вакансию в частном охранном агентстве. Там платят в два раза больше, чем в полиции. И график лучше.

Слова повисли в воздухе, как дым. Я сама не поняла, как они вырвались. Я ведь хотела сказать другое. Я хотела сказать: «Возвращайся домой. Я попробую». Но старая Элин, та, что была выдрессирована трендами и подругами, опередила ту, новую, которая только-только зарождалась где-то глубоко внутри.

Мартин смотрел на меня и молчал. Потом поставил кружку на стол — очень аккуратно, чтобы не разбить, потому что руки у него дрожали.

— Я не хочу в частную охрану, — сказал он тихо. — Я не хочу даже говорить об этом. Я хочу, чтобы ты спросила, как у меня дела. Просто спросила. Без «вариантов» и «траекторий». Ты можешь?

Я открыла рот — и закрыла. Не могла. Язык не поворачивался. Я два года жила в мире, где «как дела» — это пустая трата времени, где каждый разговор должен иметь цель, каждое действие — результат. Я разучилась просто быть.

Он встал.

— Спасибо за кофе. Тебе, наверное, пора. Метро через час закрывается.

Я ушла, не допив свой кофе, и в метро, сидя на холодном сиденье, ревела так, что на меня оглядывались. Я провалила экзамен. Самый важный экзамен в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.